

— 16-го ноября ко мне на работу, в кирху, по телефону позвонила из Ленинграда Ирина. Я не люблю телефон как средство общения, особенно междугородний, когда не слышно ни фига, больше переспрашиваешь, а время идёт, тебя вот-вот прервут, а ты толком ничего не сказал и не услышал. Поэтому пользуюсь телефоном лишь для передачи конкретной деловой информации и терпеть не могу обсуждать по телефону личные проблемы. Тем более, что разговаривать по телефону в кирхе у нас всегда приходится в присутствии посторонних, так как отвечают на звонки и приглашают к телефону лаборантки, при них обычно и говоришь. Сами-то они никого не стесняются и могут трещать по телефону сколь угодно долго в чьём угодно присутствии, пока замечание не сделаешь.

— Иринкиному голосу я, однако, обрадовался, хотя и не люблю, когда она без особой надобности на работу звонит, писала бы лучше чаще.

— Здравствуй, папочка! - защebetала Иринка. - Ну, как вы там? Как мамочка?

— Да ничего, всё нормально пока, гемоглобин поднимают, операцию где-нибудь через неделю будут делать, срок не назначили еще. А у тебя как дела?

— Хорошо. Папочка, мне нужно тебе одну вещь сказать.

— Ну, говори, - насторожился я.

— Только ты не волнуйся, ничего страшного. Но это очень серьёзно.

— Ну, давай, давай.

— Папочка, мы с Димой решили расписаться.

— Не знаю, как описать мою обалделость в тот момент. Ни фига себе! Нашла способ и время оповестить о сём знаменательном "решении". Ведь только что дома была, и матери ни слова, а тут - на тебе!

— Ирина, ты что - не соображаешь, что это не для телефона разговор? Ты же недавно дома была, почему маме ничего не сказала?

— Ну, папочка...

— Короче. Я тебе напишу всё, что я на этот счёт думаю.

— Расчехвостишь меня?

— Да уж, постараюсь.

— О, Господи! Началось. Маленькие детки, маленькие бедки. Замуж захотелось в восемнадцать лет. Уж, замуж, невтерпёж, - пишется без мягкого знака. Вот Сашуле-то сюрприз будет.

— Ведь оба были - и Иринка, и Дима на праздниках в Калининграде, так побоялись в глаза сказать родителям о своём "желании", не хватило духу, решили бухнуть по телефону, как в воду прыгают, глаза зажмуривши.

— Когда я сообщил новость Сашуле, она расплакалась. Ещё бы - неделю назад Иринка была дома, ласкалась: - Мамочка, мамочка... - и тут этот звонок отцу на работу. До чего же не по-людски поступают. И куда торопятся, хоть бы до лета подождали.

— Три дня я сочинял письмо Ирине, вернее, сначала два дня остывал, успокаивался, а на третий написал и отнёс Сашуле в больницу на обсуждение. Она письмо одобрила, и я отправил его Ирине с тем, чтобы она дала прочесть его и Диме. Высказался я и по поводу их малодушия, и что некрасиво, мягко говоря, так бессердечно по отношению к маме поступать, а тем более, когда она в больнице перед операцией, и что глупо решать такие вопросы по телефону, ставя к тому же меня в неловкое положение перед сослуживцами, особенно лаборантками, с которыми я борюсь, чтобы они не висели целыми днями на телефоне, обсуждая свои личные проблемы.

— И самое главное, что жениться им рано. Что женятся для того, чтобы детей рожать и воспитывать, а им самим ещё воспитываться и учиться надо. Уберечься же от зачатия очень непросто, а полагаться на противозачаточные средства, особенно отечественные, нельзя. Мама считает, что вам до лета хотя бы подождать надо, чтобы Иринка хоть один

курс закончила, а я так и летом бы ещё посмотрел, не рано ли. Правда, может быть, вам уже непременно надо жениться? Тогда уж ничего не поделаешь...

— Но ещё больше шороху нагнали Ирина с Димой на дядю Вову с тётёй Тамарой, приютивших на свою голову внучатую племянницу. Оказывается (мы узнали об этом из тётёи Тамариного письма только в декабре, когда Сашуля вышла уже из больницы), эти голуби, приехав после праздников в Ленинград и решив, что жить порознь они больше уже не могут, заявили в Сестрорецк и объявили Бургвицам (говорил Дима, а Иринка молчала, Дима же толкал её локтем в бок - чего, мол, молчишь), что они любят друг друга, не могут друг без друга жить, хотят жениться, а посему прямо сейчас Ирина переезжает к Диме.

— Тётёя Тамара с дядей Вовой только рты успели разинуть, как влюблённые решительно сложили Иринкины учебники в чемодан и отбыли навстречу своему счастью. Уж на что тётёя Тамара небезъязычная, а и то ничего не смогла поделать, как ни взывала к Иринкиному благоразумию, как ни уговаривала сначала с родителями встретиться.

— Так вот - мне по телефону Иринка звонила уже потом, после того как ушла от Бургвицев жить к Диме. Не знаю, что помешало им расписаться, то есть зарегистрировать свой брак, - моё ли письмо, или угрызения совести, или то сугубо техническое обстоятельство, что у Иринки паспорт был сдан в деканат для прописки (в подшефном совхозе "Бугры"), а прописку всё не оформляли. Скорее всё-таки то, что тётёя Тамара не оставляла своих усилий образумить Иринку, когда та приезжала за своими вещами или звонила по телефону. А, может, с Димой у них разладилось.

— Так или иначе дней через десять беглянка вернулась в Сестрорецк. Дима же у Бургвицев не появлялся, отношение к нему там теперь было неласковое. Ещё бы! Нахально уволочь девчонку, отданную родителями им, Бургвицам, под присмотр.

— Но и девчонка тоже хороша.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)